И.Н. Крамской. «Портрет императрицы Марии Федоровны в головном уборе, украшенном жемчужинами». 1880-е

ПЕРЕДВИЖНИКИ И ИМПЕРАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ

К 175-летию со дня рождения И.Е. Репина

Юлия Кудрина

Годы правления императора Александра III отмечены значительными успехами в укреплении могущества России, а также выдающимися достижениями в развитии отечественной науки и культуры. Великий русский ученый Д.И. Менделеев в своей работе «Заветные мысли» дал высокую оценку вклада Александра Александровича в историческое развитие России. Он особо подчеркнул, что Александр III «провидел суть русских и мировых судеб более и далее многих своих современников».

Годы царствования императора Александра III ознаменовались подъемом национального духа, что особенно проявилось в культурной жизни страны. Философ Л.Н. Тихомиров по этому поводу писал: «Некоторое время этот процесс ослабления государства был задержан редкими личными управленческими качествами Императора Александра III. Его способность надзора за бюрократическим механизмом, его замечательно русская личная натура достигла возможности не только парализовать вредные стороны пореформенного положения, а даже вызвать подъем национального духа и творчества».

В годы царствования Александра III пробудилась та духовная самобытность, без которой невозможна культурно-историческая жизнь никакого великого народа. «Народное самопознание, — писал профессор П.П. Семенов Тян-Шанский, — прежде всего, должно было обратиться на научное изучение той страны, в которой суждено было развиваться русскому народу». «Возвращение к родному быту, к основным началам русской жизни началось при Александре III», — писал известный русский философ Н.Ф. Федоров. Об этом свидетельствовали и многие представители художественной жизни России. И.Е. Репин в «Далеком близком»: «Жизнь русская проснулась от долгой нравственной и умственной спячки, прозрела; первое, что она хотела сделать, — умыться, очиститься от негодных отбросов, от рутинных элементов, отживших свое время. Сила свежей русской мысли царила везде, весело, бодро шли вперед и ломали без сожаления всё, что находили устарелым, ненужным...».

Национальный поворот произошел и в зодчестве, и в ваянии, и в живописи. Русское зодчество повернуло к «монументальному русскому наследству, завещанному историей, то есть к стилю времен первых русских царей из дома Романовых». В художественной жизни страны перемены зримо просматривались и в характере художественных произведений — работах художников-передвижников, поддержанных императором Александром III. В императорской коллекции, ставшей основой Русского музея и насчитывающей 900 полотен, 580 были произведениями русских художников. Особое место занимали картины на сюжеты из русской истории. Среди них картины В.И. Сурикова «Покорение Сибири» и «Боярыня Морозова», 14 пейзажей и батальных сцен русско-турецкой войны 1877–1878 годов И.Е. Репина, В.М. Васнецова. К. Маковского и многих других русских художников.

По словам В.О. Ключевского, Александр III открыл новый исторический период в жизни русского народа — период расцвета народного самосознания. Политика Александра III сводилась к сохранению и развитию российских основ, традиций и идеалов. В своей культурной политике Александр Александрович стремился следовать заветам Ф.М. Достоевского, с произведениями которого он, согласно историку И.Е. Забелину, был хорошо знаком и которому, по воспоминаниям графа С.Д. Шереметева,

«придавал большое значение». «Общество основывается на началах нравственных, на мясе, на экономической идее, на претворении камней в хлебы — ничего не основывается...», — писал в «Дневнике писателя» Федор Михайлович. И далее: «Нации живут не одной лишь заботой о цене рубля и биржевой спекуляцией, а великим чувством и великою единящею и всех освещающею мыслью, соединением с народом».

«Царь-миротворец» (В.С. Соловьев), «Великий Поборник мира и преуспевания своего Отечества» (Д.И. Менделеев), «Государь Международного Мира» (В.О. Ключевский), «Устроитель Земли Русской» (Н.Ф. Федоров), «Царь Благочестия» и «Державный покровитель наук и искусств в нашем Отечестве» (И.В. Цветаев), так называли императора Александра III его современники.

Тринадцать лет пребывания Александра III на престоле оказались чрезвычайно значительными и благотворными. По словам художника Александра Бенуа, «оно подготовило тот расцвет русской культуры, который, начавшись при нем, продлился затем в течение всего царствования Николая II». По оценке С.П. Дягилева: «Александра III можно числить среди лучших русских царей. Для русской культуры он был, может быть, вообще самым лучшим из русских монархов. Это при нем начался расцвет и русской литературы, и живописи, и музыки, и балета. Все, что потом прославило Россию, началось при Александре III».

Особое внимание уделял император эстетическому воспитанию народа. Он считал, что распространение искусства есть дело государственной важности. В годы правления Александра III при его непосредственном участии в России были созданы: Русская опера, Русский музей, активно работало Императорское историческое общество, во главе которого стоял сам император, было подготовлено создание Русского национального театра во главе с драматургом А.Н. Островским, состоялось открытие Императорского исторического музея, державной волей было учреждено Русское Императорское Палестинское общество.

Передвижники были провозглашены императором «олицетворением современной национальной культуры». Давая характеристику взглядам Александра III на изобразительное искусство, И.Е. Репин отмечал, что «в отношении изобразительного искусства Император придерживался демократических воззрений». Известный художник А.Н. Бенуа напишет после смерти Александра III: «... По-новому, более сознательно я теперь стал относиться и к царствующему Государю, оценивать самую его личность. Многое, что я, зараженный почти поголовным фрондерством русского общества, находил когда-то в правлении Александра III уродливым и даже возмутительным, стало теперь казаться необходимым или неизбежным. И обратно, если и раньше меня отталкивала от себя вся незрелая и часто просто глупая («снобическая», сказали бы мы сегодня) революционность, то теперь она представлялась мне преступной, фатально, неминуемо ведущей ко всякой “мерзости запустения “…».

Оценивая роль Александра III в истории России, историк В.О. Ключевский в своей памятной речи на смерть императора в октябре 1894 года отметил, что Александр «покорил общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества, одобрил и приподнял русскую историческую мысль, русское национальное сознание». Царствование

В.И. Суриков. «Боярыня Морозова». 1884-1887

В.И.Суриков. «Покорение Сибири Ермаком Тимофеевичем». 1895

Александра III прошло под знаком православного консерватизма. Национальная политика обеспечивала единство и неделимость Российской империи.

***

Во второй половине 70-х годов цесаревич Александр Александрович и цесаревна Мария Федоровна стали интересоваться картинами Товарищества передвижников. «Передвижники с их интересом к российской природе, истории, жанровым сценкам, обличительным или, напротив, развлекательным, ироничным, — были симпатичны Александру III и своей национальной проблематикой, понятной ему реалистической манерой», — писал Я.Д. Миченков.

Художник-пейзажист Е.Е. Волков вспоминал: «Александр III благоволил к нам, передвижникам, и раз навсегда было высказано желание, чтобы Государь всегда первым открывал нашу выставку, а мы никому бы не продавали картины».

В 1882 г. император и императрица посетили X выставку передвижников. Художники встречали их в полном составе. «Для передвижников, которым в некотором отношении несладко жилось, это было целое событие», — по словам искусствоведа и художественного критика А.В. Прахова. — Государь совершенно самостоятельно, решительно и открыто стал на сторону «передвижников», в те поры еще боровшихся под знаменем самостоятельности русского искусства, отождествляя ее с принадлежностью к реализму». О своих впечатлениях о визите августейшей пары на выставку Товарищества 1883 года вспоминал И.Н. Крамской: «...В субботу прошлую приехал и Государь с Императрицей из Академии. Был весел, милостив, разговаривал, смеялся, очень доволен, смотрел картину Репина, благодарил, купил шесть картин и, уезжая, сказал следующие замечательные слова: «Как жаль, что я к вам все поздно попадаю на выставку, все хорошее раскуплено. Скажите, когда ваша выставка открывается обыкновенно?» — «На первой неделе поста, в воскресенье...» — «Надо будет на будущий раз устроить так, чтобы я мог приехать к началу. Благодарю вас, господа, прощайте...» ... Мы же все были настроены так, что ждали, как бы Государь не выразил неудовольствия, что его заставляют ездить в два места... и вдруг! Словом, посещение Государя, которого я ждал, осветило мне иную перспективу, чем я думал…»

Император и императрица стали регулярно приобретать картины с передвижных выставок от 5 до 20 с каждой. Они покупали картины русских мастеров и с академических выставок. При этих покупках, как свидетельствуют современники, император обычно говорил: «Это для будущего музея».

Царских посещений на выставку художники ждали. «Сегодня, — писал И.Е. Репин Третьякову в 1885 г., — в 2 часа будет Государь. Кажется, будет и Государыня и наследник. Государя мы будем встречать все товарищи». Важно было и то, что покупка той или иной картины Государем снимала угрозу цензурного запрета. Так было с покупкой картины В.Д. Поленова на XV Передвижной выставке в 1887 г. «Христос и грешница». «Сегодня на выставке у нас был Государь, — писал В.Д. Поленов

И.Е.Репин. «Садко».1876

матери. — Он был необыкновенно мил и деликатен, перед каждой картиной, которую он желал приобрести, он спрашивал, не заказана ли она кем-нибудь, и когда получал отрицательный ответ, говорил, что оставляет ее за собой. Увидев меня, обрадовался, подал мне руку, спросил, отчего я совсем не бываю в Петербурге». До открытия XV передвижной выставки, зная о том, что на 4 выставке будет демонстрироваться картина «Христос и грешница», Александр III написал Поленову: «Исполняя задачи по возможности покупать все замечательное в нашей живописи, я не могу упустить Вашу картину как самую замечательную».

В Дневниках А.В. Жиркевича, близкого друга И.Е. Репина содержалась интересная информация, которую тот получил от Репина по вопросу реформирования Академии художеств и участия в нем Александра III. «Репин, — пишет Жиркевич, — рассказал мне подробности представления Государю конференц-секретаря Академии художеств графа И.И. Толстого вчера на Академической выставке. Согласно рассказу Репина Государь на этой встрече начал разговор так: “Вам предстоит трудная задача поднять Академию. Ваш предшественник был мошенник, в Академии все было основано на мошенничестве, почему я и не любил посещать выставки в Академии, где приходилось сталкиваться с этой личностью, которую я давно бы выгнал из Академии, если бы не великий князь Владимир”. (Речь шла о бывшем конференц-секретаре Академии художеств П.Ф. Исаеве, сосланном в Сибирь за хищения. — *Ю.К.*)». По словам И.Е. Репина, государь долго беседовал с Толстым об устройстве Академии и выразил твердое желание, чтобы уничтожилось раздвоение, рознь между академистами и передвижниками. «Я не могу выносить этого раскола и прошу вас уничтожить его. Да и какой раскол может быть в сфере искусства?» Первым шагом к реформе послужил опрос художников и лиц, сведущих в искусстве. От имени президента Академии были разосланы приглашения сообщить свое мнение о том, как реформировать Академию. Свод этих мнений составил два печатных тома. По инициативе императора была высочайше утверждена комиссия для составления устава. Некоторых ее членов государь назначил лично, список прочих был представлен государю на благоусмотрение. Также был учрежден институт почетных и постоянных членов Академии, состоящий из 60 лиц, компетентных в области изобразительного искусства. По распоряжению императора была создана Высшая художественная школа с совершенно обновленным составом профессоров, свободными мастерскими и свободным конкурсом для получения наград. «Теперь в Академию (Академию художеств — *Ю.К.*) потянулись со всех концов России юноши разных сословий и возрастов. Тут были и полуобразованные мещане, и совсем невежественные крестьяне, и люди с университетским образованием, но все они шли сюда уже по собственному влечению и несли свои идеи. ...Они любили родную жизнь, близкие сердцу образы и инстинктивно верили в свое русское искусство… Император Александр III лично утверждал профессоров, руководителей мастерских. Среди них были И.Е. Репин, А.И. Куинджи, В.Е. Маковский, И.И. Шишкин и др. Согласно уставу Академии художеств, утвержденному Александром III 15 октября 1891 г., Академия преобразовывалась в высший государственный орган «для поддержки, развития и распространения искусства в России». Были увеличены ассигнования на художественную деятельность Академии с 30 тысяч рублей в год до 60 тысяч. Сюда включалась и деятельность Академии по приобретению выдающихся произведений искусства. Произведения русских художников, приобретаемые Академией, должны были составить фонд, выделяемый для комплектования коллекций провинциальных музеев. Особым параграфом в академический устав, по предложению императора, был включен параграф о развитии монументальной живописи.

Большой интерес проявляли император и императрица к творчеству другого русского художника В.И. Сурикова. Русский национальный исторический жанр, свойственный художнику, был очень близок императору — председателю Русского Исторического общества, чей интерес к истории России был хорошо известен. Александр III счи-

И.Е. Репин. «Прием волостных старшин Александром III во дворе Петровского дворца в Москве». 1885-1886

тал, что знание великих подвигов, военной доблести, образцы великих людей и славных дел каждого исторического события — суть двигатели нравственного влияния. Царская чета приобрела для своей коллекции картины Сурикова «Покорение Сибири Ермаком», «Боярыня Морозова». По заказу императора художник Поленов написал четырнадцать пейзажей и батальных сцен русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Цикл полотен, посвященных истории завоевания Туркестана, Александр III заказал художнику Н.Н. Каразину. В императорском собрании были картины П.Н. Грузинского, Н.Д. Дмитриева-Оренбургского, А.Е. Коцебу, П.О. Ковалевского, А.Д. Кившенко. На академических выставках в 80-е годы Александр III приобрел картины: А.И. Шарлемана «Эльм. Последний ночлег Суворова в Швейцарии», В.И. Якоби «Первое торжественное собрание Академии художеств 28 июня 1765 года», В.С. Смирнова «Смерть Нерона».

С большим интересом следили император Александр III и императрица Мария Федоровна за творчеством И.Е. Репина. Личное знакомство Репина и Александра Александровича произошло в 1874 г. в Париже. Александр был тогда наследником престола, Репин — пансионером Академии Художеств. Они были практически ровесники, примерно 30-ти лет. В Париже цесаревич и цесаревна дважды посетили мастерскую скульптора М.М. Антокольского, а также мастерские В.Д. Поленова и И.Е. Репина, которые были членами Парижской Академии художеств. Репин об этом посещении высказался следующим образом: «Наследник очень любил живопись, был человеком далеко не суровым. Простой в обращении, с удивительно мягким, располагающим тембром голоса. Наследник сам занимался живописью. В Париже в сопровождении Боголюбова Наследник запросто на простом извозчике приехал ко мне в мастерскую. Расспрашивая о работах, Наследник остановил мое внимание на эскизах «Садко» и заказал мне написать картину». В письме И.Н. Крамскому из Парижа 15/27 ноября 1874 г. И.Е. Репин писал: «А Наследник, вчера посетивший, в числе других, и мою мастерскую, показался мне чудесным, добрым, простым без аффектации, семейным человеком. Настоящий позитивист, подумалось мне, не выражает энергии понапрасну…». Судя по письменным источникам, Репин и цесаревич с первого знакомства понравились друг другу. По словам исследовательницы Н.В. Асадуллиной, вопреки сложившемуся стереотипу Репин, хотя на протяжении всей жизни был убежденным антимонархистом и поборником республики (о чем он неоднократно заявлял и в личной переписке и публично) и ненавидел само понятие «царь» в принципе, он не переносил это отношение на личность самого императора Александра III.

В 1884 г. через Боголюбова Репин получил императорский заказ — исполнить картину «Прием волостных старшин Александром III во дворе Петровского дворца в Москве». Из переписки Репина с П.М. Третьяковым: «Эта новая тема, довольно богата, и мне она нравится, особенно с пластической стороны». Через год в 1885 г. картина была показана на XIV выставке Товарищества передвижников.

И.Е.Репин. «Иван Грозный и сын его Иван». 1883-1885

В 1885 г. на XIII выставке Товарищества передвижников Государь познакомился с картиной Репина «Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1531 г.». По свидетельству современников, Александр Александрович был особенно невосприимчив к неординарной трактовке исторических и религиозных тем. Из письма И.Н. Крамского А.С. Суворину от 7 марта 1885 года: «... Перед картиной Репина (картина «Иван Грозный и его сын Иван — *Ю.К.*) Государь ничего не говорил, только долго и внимательно смотрел, был необыкновенно серьезен, даже (я бы сказал) очень грустен и тронут. Думаю, что картина сделала серьезное впечатление. <...> Затем, повернувшись, продолжал обзор. Когда было кончено, Государь Император при выходе, на площадке, где продают билеты, остановился, обращаясь к нам, изволил сказать следующее: “Я очень рад, что мне удалось увидеть картину Репина “Иван Грозный”... наконец, побывать у Вас на выставке и видеть Вас в сборе... Надеюсь, что и на будущий год я буду у Вас на выставке”. <...> Государь, обратившись к Даниловичу, весьма громко изволил сказать следующее: “Благодарю Вас, что Вы свозили моего сына на передвижную выставку, мне на этой выставке очень понравилось”».

В другом письме Крамской писал, что «Его Императорское Величество выразил свою высочайшую волю в форме желания, чтобы картина эта не была показываемая провинциальной публике».

Из письма К.П. Победоносцева Александру III: «Несколько лет тому назад снята была картина менее возмутительная — картина Репина «Иван Грозный». Притом нельзя не подумать, что передвижная выставка, после Петербурга, обыкновенно развозится по городам внутри России. Можно представить себе, какое произведет она впечатление в народе и какие — смею представить — нарекания на правительство, так как наш народ до сих пор еще думает, что разрешенное правительство им одобрено». Согласно рассказу Крамского, руководство Академии пригласило императора мотивируя свою просьбу желанием, чтобы государь соблаговолил указать, нужно ли что-нибудь исключить из экспозиции. Запрет, спровоцированный руководством Академии и отрицательными отзывами многих современников, три месяца спустя, в июле 1885 г., по ходатайству художника Боголюбова был снят.

В 1891 г. во время посещения царской четой выставки художника по случаю его 25-летней творческой деятельности государю была показана картина «Арест нигилиста» («Арест пропагандиста». — *Ю.К.*). «Даже “Арест нигилиста” вытащили ему, — писал позже И.Е. Репин Т.Л. Толстой, — рассматривал и хвалил исполнение, хотя ему (Александру — *Ю.К.*) показалось странным, почему я писал это так тонко и старательно». В письме ученице, художнице М.В. Верёвкиной, Репин отмечал: «Как милостив и внимателен к нашим работам был Государь!! Мне показалась моя выставка при нем вдесятеро интересней, и я без умолку объяснял разные

И.Е.Репин. «Арест пропагандиста». 1880-1892

подробности о своих работах... Как он восхищался "Запорожцами"!! и потом портретом Кюи больше всего. Все, все рассмотрел до мелочей».

И.Е. Репин высоко оценивал тот факт, что императорская семья поощряла деятельность художников Товарищества передвижников, оказывая им материальную поддержку и стимулируя их дальнейшее художественное творчество. Из письма И.Е. Репина Т.Л. Толстой от 19 января 1892 г.: «...А я очень рад, что Государь приобрел моих "Запорожцев". Третьяков не выражал желания приобрести ее. Терещенко, интересовавшийся ранее и даже, когда я был в Киеве, показывавший стену в своем великолепном доме, на которой он повесит эту мою картину, ни одним словом не дал знать о своем существовании с тех пор, как открылась моя выставка. О Государе я и не помышлял; я знал, что он не должен был ею (картиною) интересоваться уж по принципу. А, кроме того, люди, чающие придворных благ, я был уверен, давно уже поставили здесь на вид какую-нибудь «сепаратскую» идейку, и я не ждал Государя на нашу с Шишкиным выставку. И вдруг...». На деньги, полученные от Александра III за картину «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» в размере 35 тыс. рублей, Репиным было приобретено имение близ Витебска.

Давая характеристику взглядам Александра III на изобразительное искусство, И.Е. Репин в письме М.В. Верёвкиной отмечал, что «в отношении изобразительного искусства Император придерживался демократических воззрений». Позже художник счел возможным высказаться уже определеннее о благожелательном отношении российских правителей к творчеству художников. Из письма известному критику В.В. Стасову, 1894 г.: «Во всяком случае правительство наше очень терпеливо относится ко всем почти явлениям в нашем искусстве. "Бурлаков" моих по эскизу моему заказал мне великий князь Владимир Александрович (президент Российской Академии художеств, брат императора. — *Ю.К.*). "Запорожцев" купил Государь. Вообще, правду сказать, они беспристрастнее Вас и совсем уже не деспотичны в своих требованиях».

Большой интерес проявляли император и императрица к творчеству известного пейзажиста И.И. Шишкина. Они не раз приглашали его в гости в Беловежскую пущу, где он мог писать свои этюды.

Оказывал поддержку Александр III и постоянно нуждавшемуся И.Н. Крамскому. По его заказу художник выполнил три портрета (в полный рост, поколенный и поясной) императрицы Марии Федоровны. Кроме портретов наследника и Александра III, И.Н. Крамской исполнил портреты императрицы Марии Александровны (1877, Гатчинский дворец-музей), а также великих князей Владимира Александровича (1885), Павла Александровича (1870), Сергея Александровича (кон. 1870-х, 1887). Совместно с И.Н. Петровым-Ропотом Крамским был написан проект памятника Императору Александру II, который экспонировался в 1888 г. на Академической выставке.

И.Е.Репин. «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». 1880- 1891

В.В. Верещагин. «Дорога около Плевны». 1877-1878

Император Александр III, высоко оценивавший талант И.К. Айвазовского, принимал его в Аничковом дворце. В дворцовых коллекциях всегда находились работы великого мастера. И.К. Айвазовский внес большой вклад в развитие и благоустройство родного ему города Феодосии. Когда художник обратился к императору с просьбой о содействии в проведении в Феодосии ряда мероприятий по благоустройству города и развития феодосийского порта, император тут же откликнулся на эту просьбу. Благодаря его поддержке и содействию Феодосия за короткий срок превратилась в хорошо развитый торговый и коммерческий порт на южном побережье России с разветвленной стоянкой кораблей. К городу были проведены и железнодорожные пути. В память об императоре Александре III после его смерти художник написал полотно, носившее первоначальное название «Плач императрицы Марии Федоровны» («На смерть Александра III»). На ней на фоне Петропавловского собора портреты императора Александра III, императрицы Марии Федоровны. В течение всего советского периода истории России картина находилась в запасниках музея.

В 1896 г. через два года после смерти императора Александра III в Феодосии был поставлен величественный памятник почившему императору. На лицевой стороне пьедестала надпись: «Императору Александру III. Благодарная Феодосия». Согласно решению Городской Думы председателем Комитета по строительству памятника был утвержден И.К. Айвазовский. Он проделал огромную работу по сбору средств для строительства памятника. Автором памятника был петербургский профессор Р.И. Бах. В июне 1917 г. монумент был снесен.

Особое отношение было у Александра Александровича к творчеству В.В. Верещагина, величайший талант которого он очень ценил, восхищался картинами, посвященными войне с Наполеоном, событиям, происходившим в Кремле — национальной и религиозной святыне русских. Однако цикл работ В.В. Верещагина, посвященный русско-турецкой войне, вызвал у Александра Александровича неприятие. Хотя художник по совету Боголюбова рассчитывал на приобретение его картины «Пленные» («Дорога около Плевны») цесаревичем, картина не была куплена. Александр Александрович считал, что война должна быть отражена в картинах, рассказывающих о героических подвигах русских солдат и офи-

церов. В беседе с Боголюбовым Цесаревич сказал тогда: «… противно читать всегдашние его (Верещагина — *Ю.К.*) тенденциозности, противные национальному самолюбию… Жаль, что это будут единственные картины в воспоминание славной войны 1877–1878 и это все, что мы оставим нашему потомству».

Александру III нравились ранние произведения художника Н.Н. Ге. Копия картины «Тайная вечеря», доставшаяся ему от покойного брата, великого князя Николая Александровича, висела в кабинете Государя в Аничковом дворце. «Это моя любимая вещь», — говорил Александр III посетителям об этой картине.

Реакция императора на две картины Ге «Что есть истина?» («Христос и Пилат») и «Суд Синедриона» («Повинен смерти»), предназначавшихся к показу на XX выставке передвижников в 1892 г., была неодобрительной: «Я допускаю, что можно иметь разные убеждения… но как это слабо написано, а Ге ведь может хорошо писать, вот хотя бы этот дамский портрет», — и государь указал на портрет г-жи Костычевой. По поводу первой картины он сказал: «Картина отвратительная».

В 1894 г., посетив XXII выставку Товарищества передвижников и увидев картину Ге «Распятие», Александр Александрович, как свидетельствовал сам Ге, скажет по поводу изображенного: «Да ведь это бойня». Искусствовед А. Прахов, современник Александра III, напишет в своих воспоминаниях, что Александр Александрович резюмировал свои впечатления: «Мы еще кое-как это поймем, но народ… он этого не оценит, это никогда не будет ему понятно».

Александр III покровительствовал целому ряду художественных ассоциаций. «… многие и отдельные лица, — по словам художника А.Н. Боголюбова, заявившие себя полезными трудами на поприще искусства, были также взысканы Высочайшим покровительством. Многие, как художники, так литераторы и музыканты, получали пенсии, награды; семьи после их смерти не оставались без помощи. Эта щедрая помощь талантам со стороны Престола получила дальнейшее развитие уже в настоящее Царствование». Александр III оказывал поддержку Петербургскому обществу поощрения художников, состоявшему под Августейшим покровительством принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской, а также Парижскому обществу взаимного вспоможествования художников, которому выплачивались ежегодные субсидии.

Современники подчеркивали необыкновенную доброту и доступность императорской четы. Александр Бенуа писал: «Вообще выставка обозревалась “императорами” во всех подробностях и с большим вниманием, на что уходило час или полтора. Должен при этом сказать, что и все “манеры” императорской четы и то, что исходило из их уст, способствовало тем чувствам… “симпатии”, которые несколько лет, как я уже питал к нашему государю. Они сменили во мне прежние ребяческие “революционные” весьма смутные чувства, приобретенные от чтения некоторых исторических романов, и отражали то либеральное фрондирование, которое было до некоторой степени модным в петербургском обществе. Общество продолжало “дуться” на Александра III,

Н.Н.Ге. «Тайная вечеря». 1863

Н.Н.Ге. «Что есть истина?». 1890

Н.Н.Ге. «Распятие». 1892

особенно за то, что он не даровал в свое время конституции, якобы уже лежавшей готовой к подписи на столе его отца в день цареубийства 1 марта 1881 г. Но я сознательно употребляю здесь слово симпатия, намеренно воздержавшись от более подобающих в таких случаях выражений, вроде “высокопочитание”, “благоговение” или еще “обожание”. Александр III всей своей колоссальной статурой, голосом и особенно взглядом своих пронизывающих глаз вселял в людей, подходивших к нему при исполнении своих верноподданнических обязанностей, чувство трепета и даже страха, никак не совместимого с чувством симпатии. Однако во время посещений царем наших (столь безобидных) выставок, он умел показать другую сторону своей личности. Он становился тем любезным, внимательным, вовсе не суровым, а скорее благодушным человеком, каким знали Александра III его семья, ближайшие царедворцы и дворцовая прислуга».

Александр III высоко оценивал деятельность П.М. Третьякова по созданию в Москве картинной галереи, которая открылась весной 1893 г. Л.М. Анисов в своей книге «Третьяков» следующим образом опишет сцену встречи Государя с П.М. Третьяковым: «... Едва Александр III вошел в дом, Павел Михайлович, стоявший наверху лестницы, стал спускаться ему навстречу. Государь поднимался к нему. Они остановились на площадке, поздоровались и, поднявшись вместе, направились в залы галереи. В суриковском зале зашел разговор о «Боярыне Морозовой». Государь попросил было уступить картину для своего музея. Павел Михайлович на то отвечал, что она ему уже не принадлежит, ибо он передает галерею городу. Тогда Александр III отступил несколько от Третьякова и низко поклонился ему…».

Дочь Третьякова А.П. Боткина свидетельствовала: «Открытие приурочили к посещению галереи Александром III и его семьей. Павел Михайлович... был вполне удовлетворен простотой обстановки и обращением царской семьи... Своим обхождением Александр III как будто хотел подчеркнуть, что он в гостях у Павла Михайловича Третьякова в обстановке его галереи. Когда пришли в зал с лестницей, где тогда висели портреты Васнецова и где был устроен буфет, Александр III взял бокал шампанского и, обращаясь к Павлу Михайловичу, сказал: “За здоровье хозяина!” Помню, какую радость это мне доставило...». Этим посещением ознаменовалась официальная передача галереи городу Москве, и она открылась для посетителей.

Как признают современные исследователи, Александр III с середины 80-х годов стал главным коллекционером и меценатом страны и серьезным конкурентом Третьякову. Так, Александр III опередил Третьякова в покупке для своего будущего музея картин Поленова «Христос и грешница», «Запорожцы» и «Николай Мирликийский избавляет от смерти трех невинно осужденных» Репина и «Страдная пора» («Косцы») Г.Г. Мясоедова. Однако Третьяков, понимая, что многие художники завышали цены на картины при выборе их Императором, писал после 15-й выставки Н.А. Ярошенко: «Расположение Государя цените и поддерживайте, не разочаровывайте Императора, тем более что не требуется какой-либо "услужливости" в содержании картин, напротив, предоставляется "полная свобода" ... Как бы не показались Государю цены высокими, не заподозрил бы он, что эксплуатируется его расположение? Государь цену не спрашивает, потому нужно как можно назначать осторожнее…».

Особой заслугой Императора было создание в Санкт-Петербурге Музея русского искусства, в стенах которого могли бы демонстрироваться наиболее талантливые картины русских художников и вместе с тем соединиться в единстве два направления в русском изобразительном искусстве — в виде работ художников-передвижников и мастеров Императорской Академии. Эта идея была высказана императором в 1883 году. «Его Величество, — вспоминал А.П. Боголюбов, — сказал мне: "А ваши товарищи-передвижники все перекочевывают из одного городского зала в другой с тех пор, как Исаев (конференц-секретарь Академии художеств. — *Ю.К.*) их выжил из Академии. А потому я часто и серьезно думаю о необходимости создания в Петербурге музея русского искусства. Москва имеет, положим, частную, но прекрасную галерею Третьякова, которую, я слышал, он завещает городу. А у нас ничего нет"».

К решению создания Русского музея Александра Александровича подтолкнула выставка «25 лет русского искусства», организованная в 1882 г. на Всероссийской выставке в Москве. Участниками выставки были Императорский Эрмитаж, Императорская Академия художеств, известные коллекционеры: П.М. Третьяков, К.Т. Солдатенков, Д.П. и М.П. Боткины, Н.А. Терещенко и С.А. Мамонтов, сам император и его брат — великий князь Владимир Александрович.

С разрешения императора из его коллекции для демонстрации на выставке были представлены тридцать картин более двадцати художников русской школы, среди которых были: И.К. Айвазовский, А.П. Боголюбов, В.В. Верещагин, В.М. Васнецов, В.Д. Поленов, К.А. Савицкий, Г.И. Семирадский, Ф.А. Васильев, Б.П. Виллевальде и другие. Александр III, посетивший вместе с императрицей Марией Федоровной выставку, находился под впечатлением грандиозности увиденного, так как выставка со всей наглядностью показала весь двадцатипятилетний путь русского живописного искусства.

Понимая важность и необходимость учреждения в стране музеев, хранилищ художественного и исто-

В.Д. Поленов. «Христос и грешница (Кто без греха?)». 1888

Г.Г. Мясоедов. «Страдная пора. Косцы». 1887

И.Е. Репин. Николай Мирликийский избавляет от смерти трех невинно осужденных. 1888

рического материала, которые должны были служить развитию культуры и исторической науки, император всячески поддерживал инициативы, исходящие как сверху, так и снизу, от самых разных лиц и организаций. Из Кабинета Его Величества специальным указом императора ежегодно выделялось 20 000 рублей для пополнения музейных собраний, в том числе и провинциальных.

Императору Александру III принадлежит инициатива создания Исторического музея в Москве, а также Севастопольского музея в Севастополе.

Мысль о создании в С.-Петербурге общественного «всенародного» музея не покидала императора и в последующие годы. Об этом он говорил в 1889 г. при посещении выставки в Академии художеств художника Г.И. Семирадского (его пяти произведений), а также во время осмотра картин передвижников на XVII выставке Товарищества передвижников в доме Боткиной на Сергеевской улице. Все приобретения императором и императрицей картин были сделаны уже, как говорил император, «для будущего музея».

Из воспоминаний Мещерского: «Государь был очень воодушевлен мыслью о Музее и на этой выставке купил восемь картин, повторяя, что для будущего Музея. Застоявшись на одной из передвижных выставок перед

Русский музей в Санкт-Петербурге

картиной Репина "Святитель Николай, останавливающий неправую казнь", государь сказал: "Вот прекрасная вещь для Музея", и картина была приобретена».

Для музея императором Александром III были также приобретены картины И.Е. Репина «Запорожцы» и «Святитель Николай», В.Е. Маковского «Проповедь в сельской церкви», «Мальчик-рыболов», «Сборщик на церковь», «Рыбачки» и другие, А.Е. Архипова «На Волге», М.К. Клодта «Забота», Е.Е. Волкова «Церковь», «Сельцо», К. Брюллова «Утро», В.Д. Поленова «Христос и грешница», Г.Г. Мясоедова «Косцы» и другие. Заказы были сделаны и В.Е. Маковскому — на образа церкви Святого Александра Невского в Борках — на месте железнодорожной катастрофы, В.М. Васнецову — на роспись Владимирского собора в Киеве, И.Е. Репину была заказана картина «Прием волостных старшин Александром III во дворе Петровского замка в Москве», К.А. Савицкому — картина «На войну».

Император не дожил до открытия Русского музея. Это сделал его сын, император Николай II. 12 апреля 1895 г. последовал его высочайший указ «Об учреждении особого установления под названием "Русского Музея Императора Александра III" и о предоставлении для сей цели приобретенного в казну Михайловского дворца со всеми принадлежащими к нему флигелями, службами и садом». 13 апреля 1895 г. была учреждена памятная медаль «Музея Императора Александра III». Русский музей был открыт 7 марта 1898 г. в присутствии императора Николая II, вдовствующей императрицы Марии Федоровны и других членов императорской семьи. Русский музей занимал 37 залов, разделенных на 10 отделов. Основой коллекции музея были 80 картин из Эрмитажа, 120 — из Академии художеств, 200 — из дворцов Зимнего, Гатчинского, Александровского в Царском Селе. Созданием в Петербурге Русского музея император Александр III сохранил для потомков наиболее значительные произведения русской живописи XIX в. Значительной была поддержка со стороны императорской власти и уже действовавших музеев, в первую очередь, крупных столичных музеев, как Эрмитаж. Эрмитаж был широко посещаем ввиду того, что доступ туда был свободным для любого гражданина Российской империи.

Примером личного отношения к искусству, выставочным делам, участием в самой художественной жизни Александр Александрович в определенной степени «запрограммировал» последующую деятельность в области изящных искусств своего преемника. ИБ